

С.А.ПАНАРИН,
доктор исторически наук.
Институт востоковедения РАН

Национально-культурное возрождение в республиках и территориальная целостность России

По всей видимости и тем более по своей саморепрезентации национально-культурное возрождение — чисто культурный феномен. В чем заключается эта саморепрезентация? Какая-то культура разрушается или столкнулась с угрозой разрушения. Тонкий слой рефлектирующих субъектов культуротворчества, называемый национальной интеллигенцией, осознает опасность и бескорыстно старается исправить положение,

вернуть культуре жизнеспособность, здоровую творческую самобытность. Для этого в первую очередь нужно найти ту точку перелома, от которой начались эрозия и обессиливание культуры. До нее было здоровье, затем пришла болезнь; до нее — образец, то, с чего надо начинать заново, после нее — деградация, то, от чего надо отказываться. Когда же искомая точка найдена, следует выяснить содержание здоровой культуры, совокупность характеристик, выражающих ее особенность. Следующий шаг, как бы синтезирующий целительный эффект двух предыдущих, — это защита от условий и влияний, которые привели к хирению культуры. Тогда здоровое начало восторгается. Правда, чтобы это произошло, надо помочь процессу выздоровления. Ведь у культуры может не хватить сил, чтобы справиться с болезнью самостоятельно. Поэтому требуются специальные усилия по пропаганде истинных образцов национальной культуры. Их надо внедрять в головы рядовых носителей культуры — конечно, с учетом изменений в мире и народной жизни. Вот этот-то процесс одновременного открытия заново, усвоения заново и приспособления к новому, т.е. творческого развития прежних образцов культуротворчества, здоровых норм, ценностей и идиом, и есть процесс национально-культурного возрождения.

Чтобы возрождение состоялось, первостепенное значение имеет работа по сохранению родного языка, расширению сфер его употребления, созданию типовых ситуаций, стимулирующих общение на родном языке. Необходимая предпосылка для этого — обучение языку, его обогащение, написание учебников и пособий, организация классов, кружков и курсов. Другая столь же важная задача — поддержка еще живых национальных обычаев и обрядов в их качестве способов социализации, а не просто фольклорных реликтов. Тут нужны их собиране, умелая пропаганда, ненавязчивое культивирование. Именно в этих двух областях должны быть сосредоточены усилия ревнителей национальной культуры, сюда должна направляться большая часть средств, на это тратится основное время основной массы активистов. Короче, надо в срочном порядке позаботиться о том, что осталось, и о средствах трансляции оставшегося.

Посмотрим теперь, что происходит в действительности, насколько идеальная модель возрождения при его саморепрезентации соответствует реальности. Деятельность по защите и воспроизводству национальных средств коммуникации почти целиком остается в ведении государства, способов социализации — в ведении семьи. И государство, и семья справляются плохо; однако энергия активистов возрождения направляется в иные сферы. Они ищут новые версии национальной истории, подчас квалифицированные и относительно объективные, но гораздо чаще убогие и в высшей степени пристрастные. Они с большим азартом занимаются этногенетичес-

кими изысканиями, доказывая, что их народ — самый древний или самый издревле культурный или по меньшей мере состоит в прямом родстве с народами, прославившими себя великими культурными достижениями — шумерами, этрусками, древними греками и даже индейцами майя. Либо они откровенно "национализируют" высокие образцы мировой культуры, объявляя их свершениями своих предков. И они тратят массу сил и средств на организацию разного рода широкомасштабных экстраординарных мероприятий: всемирных конгрессов соотечественников, общенациональных съездов и курултаев, празднований юбилеев народных эпосов.

Ни в коем случае я не хочу утверждать, что вся эта кипучая деятельность вообще не имеет никакого отношения к национальному возрождению, не вписывается в репертуар возрожденческого движения. Вполне имеет и вполне вписывается, только в данном случае я намеренно сократил "национально-культурное возрождение" до "национального". Опять-таки, дело не в том, что эта деятельность не затрагивает существующего культурного поля, напротив, я бы даже сказал, что она довольно основательно перепахивает его. К чему она действительно относится весьма косвенно и весьма слабо, так это к сбережению оставшихся на сегодняшний день образцов национальной культуры, крайне необходимых для ее полного возрождения в будущем.

Очевидно, что акцент делается не на будничной черновой работе, а на громких деяниях, не на действии повседневном и практическом, а на действии разовом и символическом, не на поиске знания о национальной культуре, а на создании или воссоздании национальных мифов. Откуда такой акцент, такой явный крен, почему он в большей или меньшей степени характерен почти для всех возрожденческих движений России, включая и русское?

Причину не приходится искать слишком долго. Реальная активность многих "возрожденцев" направлена на то, чтобы разбудить "национального человека", пробудить в нем национальное чувство, предложив ему убедительные символы национальной идентичности. Отчасти это обусловлено тем резонным соображением, что пробуждение национального чувства необходимо для успеха собственно культурной работы. Но главная причина заключается все-таки в другом.

Представим себе некоего среднего инженера или рабочего, агронома или доярку — не маргинала, человека положительного, склонного к стабильности, к безопасному существованию, выпускника советской школы, поклонника футбола и "Санта-Барбары", более всего озабоченной проблемой достойного выживания. Трудно поверить, что он или она глубоко и мучительно переживает то обстоятельство, что не помнит бабушкиных песен, не умеет поддерживать танцующих деревенских родственников, а скучной дидакти-

ческой литературе на родном языке предпочитает русские переводы детективов и любовных романов. И не менее трудно представить, что он или она мечтает, чтобы дети обучались только на родном языке и выбрали одну из тех профессий, с которыми ассоциируется национальный образ жизни, например, чтобы сын стал чабаном.

Осмелюсь утверждать, что в целом отношение к национальной культуре человека, прямо не востребованного к служению ей, сугубо прагматично и инструментально. Культура нужна ему не как самоцель и не как священное достояние, а как средство — средство коммуникации, социальной мобильности, социального самоутверждения. И если он без особого напряжения может обеспечить себе все это с помощью "больной", а не "здоровой" национальной культуры или с помощью вовсе не своей культуры, либо вообще не Культуры с большой буквы, а национально обезличенной субкультуры, он вполне удовлетворится таким положением.

Интеллигенция, вовлеченная в возрожденческое движение, улавливает этот культурный прагматизм среднего человека, его относительное равнодушие к судьбе собственно культуротворческого потенциала национальной культуры, ее истинных и высоких образцов. Но она также догадывается и о его уязвимых местах, производных от его расплывчатого, усредненного культурного статуса, о его страхе потерять себя, очутиться на обочине культурной коммуникации, испытать культурное отчуждение от детей и друзей. Средний человек, если он не ассимилирован полностью, кровно заинтересован в сохранении некоторых инструментальных функций национальной культуры: компенсирующей, статусно маркирующей, социально ориентирующей. А эти функции действительны лишь постольку, поскольку замкнуты на представление о национальной идентичности, выражаемое яркими, недвусмысленными и общезначимыми символами. Потому-то активисты возрождения не столько обучают родному языку, сколько его превозносят — либо прямо, либо подыскивая ему "знатных" родственников, не столько реконструируют подлинную историю своего народа, сколько ее героизируют и обеляют. Все это — символы идентичности, и на их разыскании, обосновании и освящении и сосредоточены главные силы национально-культурного возрождения.

Итак, в своей основе, реальное, а не идеальное возрождение нацелено прежде всего на поиск идентичности, а сам поиск сводится в основном к разработке и легитимации символов идентичности. Но как раз в этом, центральном, пункте возрождение очень близко национализму. Национализму тоже надо разбудить в массах национальное чувство — правда, для осуществления не культурного, а политического проекта. Он тоже озабочен поиском идентичности — правда, с ее помощью он хочет в первую очередь утвердить право своего народа на отдельную государственность, полагая, что прочее

приложится. Есть, конечно, и различия. То, что для возрождения конечная цель, для национализма — подручное средство и первый шаг. То, что в рамках возрожденческого движения может быть достигнуто за счет напряженной самодеятельности, национализм надеется заполучить как побочное следствие независимости. Возрождение предполагает долгую культурную работу с далекими результатами, далекими как по времени их проявления, так и от многих насущных повседневных забот. Национализм манит результатами близкими и всеобъемлющими, автоматически благодетельными для всех сторон жизни.

При встрече двух движений с совпадающими целями должно возобладать то, у которого ярче стимулы и громче призыв. Тут национализм превосходит возрождение, следовательно, велика вероятность, что первый поглотит второе. И многие исследователи национализма полагают, что если возрождение и бывает самозначимым феноменом, то только временно, до известных пределов: рано или поздно оно либо само перерождается в национализм, либо "кооптируется" национализмом в свои ряды. Но при обоих вариантах из движения по преимуществу культурного оно превращается в движение по преимуществу политическое.

Тут я должен уточнить собственную позицию. Я принципиально воздерживаюсь от оценочных суждений, не порицаю и не хвалю национализм, не решаю, хорошо ли или плохо, что он вбирает в себя национально-культурное возрождение или из него вырастает. Я также не собираюсь доказывать, что территориальная целостность России есть некая высшая самоценность. Я вижу свою задачу в другом: показать вместо того, что хотелось бы увидеть, то, что есть на самом деле или наиболее вероятно.

Я уже постарался подвести к трем выводам: национально-культурное возрождение нельзя числить чисто культурным феноменом (а значит — по ведомству культурологии), так как в нем сидит бацилла политизации; кратчайший путь политизации — это постановка возрожденческого движения на службу национализму; имеющийся опыт развития национализма вынуждает полагать такую постановку если не неизбежной, то в высшей степени возможной. Теперь я попробую взглянуть на российскую ситуацию: неизбежна ли метаморфоза национально-культурного возрождения в республиках России? Тут, конечно, надо выделить факторы, благоприятствующие метаморфозе и мешающие ей. В докладе я опускаю факторы относительно краткосрочные и изменчивые — экономическую реформу, падение жизненного уровня населения, снижение управляемости государством и т.п. Я сосредоточусь только на двух факторах, которые представляются мне наиболее важными по силе, смыслу и длительности их воздействия на национальные чувства. Оба они находятся в области исторического наследия, оставленного России СССР.

В чем заключается первый из них? Под влиянием принятых после 1917 г. принципов государственного устройства утвердились сразу два способа идентификации: по гражданству и по национальности. Соответственно, чуть ли не с рождения человек попадал в поле притяжения двух полюсов лояльности: всеобщей гражданской и частичной национальной. Причем оба вида лояльности были признаны государством. Случай же с титульными национальностями вообще особый: государство еще и наделило их отдельными квартирами. Человек, принадлежавший к любой титульной *нации* любого ранга с молодых ногтей приучался к территориализации, не только всеобщей, но и частичной лояльности. То есть к тому, что верховной властью не просто свидетельствуется его национальность, но и само существование этой национальности конституируется в квазигосударственной форме.

Немало написано о том, что государственность титульных наций была декоративной, степень автономности — ничтожной. Но сама декоративность, сама ничтожность оборачивалась как раз не пустым, не малозначимым символизмом! Республики, области и округа были символами идентичности. И символ этот соединял в себе представление об определенной территории (пусть никогда не совпадавшей с этноареалом) и об определенном политическом статусе (пусть скорее фиктивном, чем реальном). Иными словами, наиболее легальный символ идентичности был пространственным и политическим, а не культурным.

Допустив, скорее даже сотворив пространственно-политические символы идентичности, советское государство в целом не благоприятствовало культурному своеобразию. Иногда это выражалось в специализированной политике, но куда чаще общие идеологические установки, общая направленность централизованного планирования и управления были, так сказать, непреднамеренно враждебны национальной идентичности в ее культурном выражении. Массовая трудовая миграция, всеобщая воинская повинность, "кириллизация", русификация и атеизация нерусского населения вели к ослаблению культурной самобытности и средств ее поддержания — языка, исторической письменности, исторической памяти, традиционной социальной организации. В результате пространственно-политический символ делался более очевидным, более значимым. Но параллельно национальная интеллигенция все больше опасалась, что утратив в конце концов все свои культурные ассоциации, уже и этот, последний форпост идентичности перестанет волновать кого-либо, кроме горстки обслуживающих его чиновников.

Таков один аспект советского наследия. Он, безусловно, угрожает целостности России. Ибо наличие давно укорененной в сознании и для сознания авторитетной идеи национально-территориальной

автономии изначально направляет эволюцию национально-культурного возрождения в сторону национализма. Однако в советском наследии есть и сильное препятствие такому развитию событий. Это то, что на жаргоне называется "совковостью", а по-научному можно было бы назвать комплементарной коммуникацией.

Концепция комплементарной коммуникации была выдвинута Карлом Дейчем. Ее принципиальная новизна заключается в подходе к определению народа и национальности. Дейч признает недостаточными (или, как он пишет, исключительными) любые определения, в основу которых положен критерий состава определяемой общности — что вольно или невольно заводит в дебри споров о "крови", "родстве", "национальной индивидуальности" и т.п. Он предлагает новый критерий — критерий коммуникативной эффективности общности. Всего важнее не те качественные признаки, по которым сознание обычно определяет общность как "народ" или "нацию", а интенсивность и диапазон самодостаточного социального общения средствами единой культуры. Самодостаточным же его можно назвать потому, что оно, говоря словами Дейча, выдерживает "испытание на действенность" независимо от того, совпадают ли у всех участников такого общения национальные признаки, обычно возводимые в ранг неоспоримых свидетельств идентичности. Так, родные языки двух общающихся между собой граждан Швейцарии могут быть разными, но поскольку употребляемые ими на этих языках культурные идиомы тождественны и взаимопонятны, лингвистическое различие не мешает чувству сопринадлежности к одной общности, одному народу, одной нации.

Пытаясь преодолеть "исключительный" характер прежних определений, Дейч в конечном счете сам апеллировал к исключительному примеру. Есть и другие претензии к его концепции. Но применительно к современной России она на удивление эвристична.

В самом деле, за столетия пребывания в составе царской империи, за десятилетия совместного участия в социалистическом эксперименте российские национальности прошли длительный путь исторического сосуществования и культурного сотворчества. За время пути выработалось много общих ценностей, поведенческих норм, культурных предпочтений и идиом. Они понимались и усваивались всеми сообща, и, невзирая на расовые, этнические и лингвистические различия, стали наднациональными.

Как следствие, советский период оставил народам России мощный пласт комплементарных навыков, привычек и способов общения. Он сохраняет сейчас свою силу и действенность, поскольку до сих пор функционален и ему нет адекватной замены. "Национальный человек" может и не заимствовать в советской культуре

строительные материалы для нового выражения своей идентичности (хотя чаще черпает их оттуда полной мерой). Самим поиском новых символов он даже как будто вовсе отвергает советское наследие. Однако это тоже видимость. Как правило, отвергая или принимая то или иное *должное*, люди в повседневной жизни сплошь и рядом руководствуются не совпадающим с должным *сущим*. А в этом сущем есть советское культурное наследие; оно позволяет общению оставаться многосторонним, масштабным и взаимодополняющим, т.е. комплементарным. Кто же будет отказываться от такого общения по чисто идейным соображениям?

Государственный герб можно придумать за несколько дней, государственным языком овладеть за год; но на то, чтобы от одних устоявшихся и эффективных способов общения перейти к другим, требуются десятилетия упорной культурной работы, не пользующейся, как выясняется, особой популярностью. Либо, если хочется побыстрее, большое революционное насилие над жизнью.

Трудно предсказать, какой из двух рассмотренных аспектов советского наследия будет более значимым. Что при их нынешнем неустойчивом равновесии несомненно, так это огромная роль госполитики в области межнациональных и федеральных отношений. Эта политика должна не подавлять какой-то неугодный ей аспект, не нарушать равновесия, а создавать условия для естественного изменения его природы, чтобы из равновесия, исторически случайного и преходящего, оно превратилось в прочный баланс социальных интересов. Только тогда станет возможным сочетание того, что ныне сочетается плохо: национально-культурного возрождения и целостности России.